

и г р ы • ч у ж о г о • р а з у м а

Читайте остросюжетные романы Надежды и Николая Зориных
в серии «Игры чужого разума»:

Реквием Сальери

Формула влияния

Числовой код бессмертия

Ловушка памяти

Эффект предвидения

Программист жизни

Надежда и Николай
ЗОРИНЫ

*Ловушка
памяти*

МОСКВА
2 0 1 7

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-86

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке
Вячеслава Коробейникова

Ранее роман издавался под названием
«Пленница кукольного дома»

Зорина, Надежда.

3-86 Ловушка памяти / Надежда и Николай Зо-
рины. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
384 с. — (Игры чужого разума. Остросюжет-
ные романы Н. и Н. Зориных).

ISBN 978-5-699-95392-9

Наталья уже давно догадалась — муж Михаил изменяет ей с ее сестрой Мариной. Но о том, что ребенок, которого сестра должна вот-вот родить, тоже от него, Наталья узнала только на следующий день после похорон... Михаил решил отметить годовщину их свадьбы, но вдруг выбежал из-за праздничного стола в соседнюю комнату и... выбросился из окна! Наталья еще не знала, что незадолго до гибели муж получил по электронной почте фильм, в деталях воспроизводивший сцену самоубийства... Неужели оно было кем-то спланировано?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зорина Н., Зорин Н., 2017
© Оформление.

ISBN 978-5-699-95392-9

ООО «Издательство «Э», 2017

Туролог

Я еще долго буду кричать. Так же страшно кричать, как сейчас кричит эта женщина на улице. Целый год кричать, душа ведь не лечится. Я боялась услышать его слова, а услышала крик. Я так боялась, я не знала, не думала... даже предположить не могла...

Меня праздник сбил с толку, совершенно незапланированный праздник, устроенный вдруг мужем. Мы никогда не отмечали годовщины нашей свадьбы, отсчет совместного житья-бытья вели со дня знакомства. И это считалось единственно правильным, мы даже и не обговаривали это специально, само собой разумелось. В самом деле, не вести же отсчет счастья от штампа в паспорте? Я и дату-то точно не помнила — то ли семнадцатого, то ли восемнадцатого.

Вот и сегодня я совершенно не думала, что у нас с Максом праздник. Пришла домой и удивилась, с чего он так вырядился: в костюме, при галстуке? Мой муж никогда костюмов не носил,

только однажды, на свадьбу, и надел. Я ужасно удивилась, растерялась, а он, вместо того чтобы объяснить, сунул мне в руки целлофановый пакет с фирменным знаком магазина для невест и женихов «Валентин» и подтолкнул к двери спальни.

В пакете оказалось красное вечернее платье с открытой спиной (я таких не ношу) и туфли-лодочки на высоченных шпильках (я в таких не хожу). Я спросила, для чего весь этот маскарад, а он ответил, что у нас ведь праздник и странно, что я о нем забыла.

Праздник... Да никогда в жизни не праздновали мы дни свадьбы!

В красный наряд мне пришлось облачиться. В большой комнате — она же гостиная, приемная, зал для танцев — был накрыт стол. Может, это меня окончательно сбило и я не смогла понять... Предчувствий не было! Было больно и страшно, потому что я подумала: это наш последний совместный ужин, именно сегодня Макс мне скажет... А ведь я уже начинала надеяться... ведь я уже почти смогла себя обмануть...

Зачем он мне платье купил, такое ужасное — чужое, красное? Зачем обрядился в костюм? Затем, чтоб сказать. Вот о чем я подумала. А еще я подумала: эта женщина в красном — чужая, не я, этот мужчина в костюме — почти не мой муж. Может быть, он для того и придумал маскарад — чужой женщине будет проще сказать? Но... В красном наряде мне будет труднее услышать...

Он разлил вино по бокалам — не наше, чужое вино, мы никогда не пили «Божоле». Чуть наклонился ко мне.

— Наташа!

Он никогда не называл меня Наташей. В нашей жизни Наташе просто не было места. Были Таха, Татуха, Татович — Макс всегда относился ко мне чуть-чуть иронически и уж очень по-свойски.

Впрочем, в ужасном новом платье я — уже и не я. Чужая женщина в красном, вероятно, и есть Наташа.

— Наташа, я должен тебе сказать...

Я не знала, не знала, **что** он хочет сказать! Разве я могла **это** знать? Я подумала: сейчас он скажет, что это наш последний совместный ужин — прощальный ужин. Скажет, и все будет кончено. И я тогда, наверное, умру. Не сразу, конечно, — умирать буду долго.

— Наташа...

Как же все неожиданно!

Весь последний год я ждала, что он скажет, а теперь вот подумала — как же неожиданно.

Но ведь весь этот год я надеялась, что он не скажет. Обманывала себя и почти обманула. Больше надеяться не на что. А может, я сейчас ошибаюсь, и красно-костюмный маскарад не к тому?

— Наташенька...

Подожди, подожди! Я еще не готова! Я так не могу. Я почти подготовилась, но пока не могу. Чуть-чуть подожди, минутку мне дай...

Да он и сам не торопится. Не может сказать? Да, сказать трудно. Обнял ножку бокала рукой и никак не соберется с силами.

Поднялся. Неужели так проще? Момент торжественный — объявление приговора нашей жизни. Я тоже зачем-то встала. Душное красное платье, и туфли жмут... Пусть сначала поздравит с днем свадьбы, раз уж решил объявить свой приговор в этот день.

— Наташа, я нас поздравляю. Девять лет мы прожили вместе...

Не девять, а восемь, последний год не в счет. Мы его прожили врозь, хоть и усиленно делали вид, что ничего не происходит: я ни о чем не спрашивала, потому что боялась услышать то, что сегодня он решил мне наконец сказать, а Макс, вероятно, боялся сказать...

Он и сейчас боится.

— Мы счастливо прожили девять лет, но... Наташенька!

Душа — это тоже орган человеческого тела. Такой же, как сердце, желудок и печень. Только душа не лечится. Я умру через год или чуть раньше. От рака души, в ужасных мучениях. Мои дети, которых я так и не смогла доносить и родить, умерли легко.

Плачет? Он плачет? Максим! Бедный мой, бедный! Я его отпускаю. И смертный грех его отпускаю, только пусть он не плачет.

— Наташенька, милая! Прости меня... У меня просто нет выхода. Я не могу, не могу... Выхода нет.

Да, выхода нет. Он скажет сейчас, и я...

— И потому...

Не сказал, не решился. Вернее, недосказал. Пока. Поставил бокал на стол и вышел из комнаты. Наверняка — сил набираться.

Выхода нет. Да, выхода нет. Сейчас он вернется и доскажет.

Я думала только об этом. О нашем прощании я думала. И не было у меня никаких предчувствий.

Даже когда грохнуло в спальне окно, я ничего не почувствовала. Вяло подумала: ему тоже душно. Плохо, душно и больно. И еще подумала: а может, я и больше года протяну — умирание растянется на срок больше года. Наверное, он станет меня навещать, когда мы расстанемся. Не часто, раз в месяц, как навещают могилу на кладбище. И прощения просить, как просят прощения у мертвых. Заживо мертвой я буду жить год. Или больше.

И тут я услышала крик. Страшный женский крик. И подумала, что это я кричу. И долго так думала, пока не поняла, что звук доносился с улицы, что не я, а какая-то чужая женщина кричит. А следом за криком я услышала удар, стук — тревожный стук. Так, наверное, стукнулось бы о землю тело, выпавшее из окна.

О чем кричит та женщина?

Я буду так же кричать, весь год кричать.

Максим сейчас вернется и скажет...

Максим!

Я наконец поняла и бросилась в спальню. Окно было распахнуто. Максима в комнате не было.

Глава 1

НАТАЛЬЯ

Похороны я прожила под надзором. Меня сестра опекала. Она и дальше собиралась меня опекать, да вот незадача — на следующий день у нее случились преждевременные роды. А может, я путаю, и это было не на следующий день? Я все время сбиваюсь: что-то случилось со временем. Нет, не так! С самим временем ничего не случилось, это у меня с ним произошел разлад. Все из-за анальгетиков. Анальгетиками я называю... чтобы как-то оправдаться... перед кем-то... перед собой (перед кем же еще?), ведь сестра в больнице и опекать меня больше некому... В общем, то, что сейчас делаю, я называю: принимать анальгетики. Для души анальгетики. Ведь рак души приступил уже к своей страшной работе, так что... Мне ничего другого и не остается! Раковых больных, когда понимают, что лечить их дальше бессмысленно, всегда сажают на анальгетики. Вот и я себя на них посадила, поскольку... Ну да, душа ведь не лечится.

На самом деле я попросту пью. Пью все подряд — что предлагают, то и заказываю. Перехожу из бара в бар и пью, пью... Кажется, уже шестой день. Впрочем, со временем у меня полный разлад: может, и не шестой.

Марину, наверное, уже выписали из больницы. Надо бы хоть на пару часов прекратить хлестать водку и прочее — что мне там подают? — и съездить навестить сестру. Узнать, как она и... и... И ну да, что с ребенком.

Я не смогу прекратить. И лучше пусть не смогу. Потому что, если я прекращу... Потому что о ребенке я думать не могу. Об этом ребенке не могу! И если я прекра... и если о ребенке буду... и если я ее навещу...

Я навещу ее только затем, чтобы убить.

А ребенок, наверное, умер.

Больше всего в жизни я хотела ребенка. И Макс больше всего в жизни хотел ребенка. Из-за этого все и вышло. То есть не из-за того, что мы хотели ребенка, а из-за того, что его у нас не получилось. Я три раза была беременной и — ничего. Последний раз год назад. Тогда-то тема и была окончательно закрыта, нам сказали, что ребенка у нас не будет никогда.

Кажется, я кому-то об этом только что рассказывала. Не помню. Хотя да, точно рассказывала. Женщине. Она за соседним столиком оказалась и тоже, как и я, была одна, ну я ее и пригласила к себе пересесть. И о ребенке рассказывала. Я вообще сейчас довольно много общаюсь — в барах, все

рассказываю и рассказываю о себе. Даже странно, ведь вообще-то я совсем не общительная.

Бокал опустел. Надо бы заказать чего-нибудь. Только никто ко мне не подходит. Самой, что ли, к стойке сходить?

Попробовала встать — не получается. В прошлый раз — я не помню, когда это было, но думаю, что вчера, — меня охранник унес на руках и в такси посадил. Мы даже поцеловались с ним на прощание. А теперь никто не подходит даже водки налить.

— Эй, человек!

Ужасно тянет выкинуть что-нибудь эдакое. На столе станцевать, что ли, потрясая юбками? Правда, юбкой моей не очень-то потрясешь, потому что на мне брюки. Или я вчера переделалась? Нет, точно штаны. Это у меня такой костюм есть, светло-серый, довольно приличный (во всяком случае, до загула он был приличным) — свободные брюки и пиджак: и деловой, и не стесняющий движений. Спортивно-деловой, если можно так выразиться.

Подошел, наконец, урод. И точно! Как таких на роль официантов можно принимать? Должен же быть у них какой-то отбор, элементарный конкурс красоты.

— Что вы можете предложить даме, несостоявшийся красавчик?

— Вы о чем?

Да он не только урод, он еще и кретин!

— В смысле выпивки.

— А... Карта вин на столе, перед вами. Выбирайте.

О господи! Он не только урод и кретин, он еще и хамло!

— Я предпочитаю, когда за мной ухаживают.

— У нас не принято. И вы это... вообще...

— Что вообще? Утратила свежесть? Да, вероятно, утратила. Я пью шестой день! И ты бы утратил. Впрочем, ты ею и не располагал. Я мужа похоронила, понимаешь? А сестра моя оказалась порядочной сукой. Да и муж, в общем, сука. Ты присаживайся, выпивка за мой счет, я тебе расскажу. А лучше давай-ка отсюда свалим, надоело мне здесь. Бар ваш совершенно лишен... В общем, ни этики тут, ни эстетики. И никакой душевности. Пойдем, я знаю одно местечко, здесь недалеко.

— Да вы что! Я не могу! Я на работе!

— Наплевать на твою работу!

Остекленел глазами. Рожка прыщавая пятнами пошла. Ручонку свою потную дергает, а выдернуть не может — хватка у меня еще вполне и вполне.

— Да отцепите вы пальцы! Я позову охрану! — завопил урод, кретин и хамло.

Не позовет, куда ему! От стыда умрет, если узнают, что к нему пьяная баба пристала, а он справиться не смог.

— Да пустите же!

— Ладно, вали.

Надоел он мне — липкий и потный какой-то тип, даже разыгрывать такого неинтересно. Да и

настроение пропало выкидывать фортели. Черт с ним, пусть катится. И я, пожалуй, отсюда пойду. В самом деле бар этот мне опротивел.

Подняться бы только. Ну-ка, о стол опереться руками и вытянуть тело, как репку...

Встать получилось, а вот устоять не очень выходит. Надо попробовать снова.

* * *

Где я? Твердо, темно и холодно. Как в гробу, честное слово, только воздуха много — дыши не хочу. Ветер. Наверху, над головой, что-то шуршит.

Ветер колышет дерево, листва шебуршится. Вот оно что, я на улице! Сижу на скамейке. А она где — в сквере, в каком-нибудь парке, в моем дворе?

Я в баре была. Как я здесь оказалась? И где это — здесь?

Надо бы отсюда выбираться. Понять, где я, а затем разработать план своего спасения.

Сумка при мне — уже хорошо. И кошелек на месте, и телефон. Можно вызвать такси.

Когда пойму, куда его вызывать.

Тело мое оказалось вполне мобильно: легко поднялось, легко пошло по дорожке. Под ногами — о радость! — дорожка, и, кстати, очень похожая на ту, что у нас в скверике напротив дома.

Напрасная надежда! Это не мой сквер. Совсем не мой — незнакомый какой-то сквер. И деревьев слишком много. Неужели парк? Вот ужас! В нашем районе нет ни одного парка.

Ну вот, так и есть: я у черта на куличках. Как я сюда вообще забралась?

Надо сесть на скамейку, сосредоточиться и постараться вспомнить. Благо скамеек, как и деревьев, полно...

Вспомнила! Почти все вспомнила! Я из бара поехала на такси — тот урод помог мне в него сесть. Только, наверное, адрес я назвать была уже не в состоянии, вот меня здесь и выгрузили.

Ну что ж, теперь я в состоянии назвать адрес. И идти в состоянии, и даже довольно длинные дистанции способна преодолевать.

Что там светится?

Ха! Еще какой-то бар!

Не заглянуть ли на огонек? Оттуда и такси вызвать можно...

Нет, на сегодня с меня хватит, надо ехать домой.

Но в бар все же пойти придется — не к скамейке же в парке такси вызывать? Тем более совершенно не ясно, в каком парке эта скамейка.

Парк. Ненавижу парки! В парках не гуляют мои дети — я не смогла их родить.

А Марина вот взяла и родила. Зачала, выносила и родила. Преждевременного, слабенького, но все же.

Сволочи! Как могли они так? Впрочем, Макса бог уже наказал, а Марину...

Я убью ее. Вот просохну и убью.

В бар, в бар! Что мне делать дома? Не поеду я домой, в баре останусь, если он — ночной бар. Мне нельзя останавливаться.